

ОРГАНИЗАЦИЯ ИКОНОПИСНОГО ДЕЛА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА АЛЕКСАНДРО-СВИРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Архив Александро-Свирского монастыря включает многочисленные приходные и расходные книги. Среди самых разнообразных фактов хозяйственной жизни крупного северного монастыря эти книги сообщают многочисленные имена переписчиков, плотников, кузнецов, серебряников и других ремесленников. В том числе удалось выделить более 60 имен иконописцев, выполнявших различные монастырские заказы на протяжении XVI, XVII и начала XVIII столетий.

Приходо-расходные книги велись в монастыре из года в год и сохранились в большом количестве, часто в черновом и окончательном вариантах. Записи в них, касающиеся выполнения различных художественных работ теми или иными мастерами, кратки и однотипны. Однако появляется возможность не только достаточно полно восстановить характер и экономическую сторону отношений монастыря-заказчика и исполнителей-иконописцев, но и шире прояснить ряд вопросов организации иконописного промысла на русском Севере в XVII столетии.

Сообщения об иконописных работах в монастырских документах связаны либо с созданием новых икон и целых иконостасных комплексов и их чинками в храмах монастыря, либо с заказами икон-пядниц для продажи или раздачи богомольцам. Создание последних имело целью не только прославить обитель и ее основателя, но и составляло одну из доходных статей монастырской казны. Большинство имен иконописцев удалось выявить именно в записях о покупках монастырем таких массовых икон.

Количество заказываемых серийных икон не было постоянно, оно колебалось за год от нескольких десятков до трех сотен экземпляров. С масштабом этого ремесленного производства не может сравниться никакая иная художественная деятельность, в том числе переписка житий Александра Свирского, также хорошо налаженная в монастыре и преследовавшая те же цели. Количество изготавливаемых определенными мастерами икон позволяет думать, что эта деятельность была для них основной в отличие от дьячков — переписчиков житий, имена ко-

торых, за редким исключением, попадали в расходные книги не чаще двух-трех раз.

В основном на иконах воспроизводились поясные изображения основателя монастыря и явление Троицы Александру Свирскому. Второй сюжет в середине — второй половине XVII в. становится основным в продукции иконописцев. Значительно реже писались иконы, сюжетом которых являлось явление Богоматери Александру перед закладкой церкви Покрова. Подобные иконы, имевшие сложную композицию и пространственные пояснительные надписи, чаще выполнялись по индивидуальному заказу. Так, в 1674 г. Флор Дорофеев писал Власу кузнецу большую икону на этот сюжет, за которую расплачивалась монастырская казна.¹

Расходные книги, отмечая денежную выплату иконнику, обязательно указывают его профессию и полное имя (или имя и фамилию), даже если в определенный период иконописец часто работал для монастыря; в большинстве случаев приводят место его жительства; называют количество принятых в казну икон и их сюжеты. Денежная сумма зачастую расшифровывается указанием стоимости одной иконы, которая в свою очередь зависела от целого ряда условий. К концу XVII в. появляются более пространственные записи, вносящие дополнительные штрихи в указанные пункты. В качестве примера можно привести следующую запись 1666 г.: «Нанят икон писать иконник Лука Фомин и написал тритцать икон поясных Александра Чудотворца Свирского да четырнатцать икон Живоначальныя Троицы Александрово видение, а дано промену за иконы по десяти алтын и всего дано в додачу девять рублей дватцать девять алтын две денги».²

Началу работы предшествовал устный договор либо составление «зговорной памяти» или порядной записи. Так, в 1664 г. в Новгороде «отпис Луки иконнику писана, от писма дано десять денег».³ В архиве Свирского монастыря не удалось обнаружить ни одного подобного акта — эти порядные записи относятся к тому архивному материалу, который подлежал лишь временному хранению; по истечении срока договора они либо уничтожались, либо возвращались мастеру-иконописцу.⁴ На основании документов, имеющих другое происхождение,⁵ и запи-

¹Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 111, л. 40, 52—52 об.

²Там же, № 68, л. 45 об.

³Там же, № 54, л. 18.

⁴Амосова А. А. Архивы двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1975. С. 10.

⁵Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. М., 1984. С. 318, 327.

сей денежных выплат в свирских расходных книгах, можно предположить, что в нем оговаривалось количество поставляемых иконописцем икон и плата за них, иконография изображений, используемые в работе материалы и чьей собственностью они являлись, место изготовления икон и кому будет принадлежать их доставка в обитель. Иконописцы получали заказы на иконы-пядницы, существенно не различавшие своими размерами; какое-либо изменение размеров оговаривалось. Началу работы часто предшествовала выплата задатка.

Стоимость иконы, выплачиваемая казной иконнику, колебалась от 2,5 до 6 алтын, а «променивалась» она прихожанам в среднем от 6 до 8 алтын 2 денег. Эти цены оставались постоянными на протяжении всего XVII в. Более высокая или низкая цена устанавливалась ввиду особенности заказа (на иконы, предназначенные для подарков церковному и светскому начальству, — «в подносы») либо по каким-то иным причинам, например, по «игуменскому велению».⁶ Признание авторитета иконописца также играло определенную роль в расчетах с ним казны.⁷

Стоимость иконы определяло не представленное на ней изображение, а использованные при работе материалы, в частности золото. Это хорошо иллюстрируется записью 1692 г.: «С Москвы приезжал столник Иван Андреев сын Дашков молитца чудотворцу, на стол братии дал пять рублей. Ему ж промену от дана икона пядница Троецкого Явления чудотворцу на золоте взято восьми алтын две денги; человеку ево Коземки Иванову на промен икона ж пядница на красках взято шесть алтын четыре денги».⁸ Подобная разница в цене всегда подчеркнута и в записях о денежных выплатах иконописцам: «К Москве ездечи игумен платил на Тихфине иконнику Зиновью Иванову за пятьдесят икон на краске да за дватцать икон на золоте одиннатцать рублей шестнатцать алтын четыре денги». Помимо фонов, золотом и серебром покрывались и другие детали композиции: «Дано иконнику Алексею Романову за дватцать икон чудотворца Александра в видении что написаны у Троицы ризы на серебре крыла золотые...»; «...принято пядниц поля и венцы на золоте...».⁹

В основном над выполнением заказа иконники трудились у себя дома. «С Сермаксы Иван Петров сын Лязгин (писал) в своем доме и своими красками и золотом дватцать икон пядниц

⁶Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 45, л. 8; № 176, л. 97 об.—98; № 118, л. 13 об.

⁷Там же, № 21, л. 70 об.; № 68, л. 45 об. — 46.

⁸Там же, № 186, л. 13.

⁹Там же, № 123, л. 117; № 83, л. 14об—15; № 180, л. 53об.—54.

Троецкого Явления на золоте...». Или: «Дано иконнику Флору Дорофееву за сорок икон что писал на Тифине...».¹⁰ Выполненные по подряду иконы привозились в Александров монастырь либо монастырскими слугами, либо самими иконниками.¹¹

В записях о выдаче денег иконникам за выполненные по подряду иконы, относящихся ко второй половине XVII в., помимо прочих условий, влиявших на оплату, указывается, чьи материалы были использованы при работе. Иконник Флор Дорофеев «писал в новую Николину церковь десять праздников да десять апостолов да северной Богородицы долии писал, половину из монастырского запаса, а другую своим запасом...». Если при работе иконописцы употребляли только свои материалы, то при расчете получали деньги «за письмо и на краски».¹² В расходных книгах присутствуют практически ежегодные записи о приобретении тех или иных материалов «на иконный обиход». Прежде всего покупались листовые золото и серебро, а также краски. Из красок упоминаются белила, бакан виницейский и немецкий, греческая и немецкая охра, ярь, кинварь, голубец, сурик, черлень, лазорь и другие.¹³ Называется золото красное, двойное, тройное. Помимо красок монастырь приобретал олифу, масло деревянное и конопляное, мел; не только клей (мездряной и «карлук», т. е. осетровый) и заготовки для него, но и горшки «иконники под клей».¹⁴ Тихвинским иконописцам, писавшим иконы для трех ярусов иконостаса Троицкого собора в 1699 г., были куплены яйца «на иконное письмо». В 1680 г. у жены иконника Алексея Романова, по-видимому, после его смерти, монастырь купил, помимо неиспользованных иконной доски и краски, «камень на чем краску трут». «Иконописные снасти» в 1703 г. были приобретены у москвитина Григория Васильева.¹⁵

Кроме того, монастырь закупал десятки досок для икон-пядин. «С Сермаксы иконнику Ивану Петрову за письмо десяти икон на золоте все сво запасом дано найму полтора рубли а цки монастырские».¹⁶ Чаще всего этим промыслом занимались окрестные плотники, выполнявшие ремонтные работы и возводившие в монастыре и его вотчинах многочисленные деревянные слу-

¹⁰ Там же, ф. 3. оп. 2. № 178, л. 189 об — 190: № 116, л. 64.

¹¹ Там же, № 68, л. 29; № 151, л. 58 об. — 59: № 167, л. 162 об.—163.

¹² Там же, № 156, л. 18 об.; № 186, л. 74—74 об.

¹³ Крупные закупки красок были сделаны, например, в феврале 1673 г. (там же, № 109, л. 68—68 об.)

¹⁴ Там же, № 167, л. 99 об.

¹⁵ Там же, № 156, л. 23; № 205, л. 155 об.; № 147, л. 109 об.; № 233, л. 20.

¹⁶ Там же, № 167, л. 120. Существуют указания и на использование иконописцем собственных досок (там же, № 196, л. 45).

жебные постройки. В единственном случае в 1696 г. липовые иконные доски были привезены из Новгорода.¹⁷ В записи не указывается ни цель этого заказа, ни размеры досок. Возможно, они предназначались для того же Троицкого иконостаса и ответственностью заказа был продиктован выбор столь дальнего места их изготовления.

Александро-Свирский монастырь ссужал материалами иконописного промысла не только отдельных мастеров. В 1697 г. были выданы необходимые припасы «в город на Олонец к новой церкви к иконному писму».¹⁸

Краски, золото и другое закупалось монастырскими слугами в основном в Москве и Новгороде, где обширный торг давал возможность выбрать то, что было нужно и по желательным для покупателя ценам. Реже этот товар приобретался в Тихвине, Олонце и на собственной Троицкой ярмарке. Изредка краски и золото покупались у самих иконописцев.¹⁹

Создание в монастыре запасов, необходимых для иконописного промысла, не было чем-то исключительным: в монастырской казне приобретали бумагу и киноварь дьячки-переписчики житий Александра Свирского; серебро и золотые монеты серебряники. В казну поступало сухое олово, медь, ртуть, железо, ткани, сера, нашатырь. Все это либо продавалось мастерам разных профессий, либо выдавалось им для выполнения необходимых монастырю работ в зачет будущей оплаты их труда.²⁰ В целом из записей расходных книг видно, что иконописцы использовали в работе свои собственные материалы не реже, чем монастырские.

В расходных книгах встречается ряд указаний на оптовые покупки икон одновременно у нескольких мастеров в Новгороде, Тихвине или в Москве.²¹ В этих записях без указания имен иконописцев приводится лишь количество приобретаемых образов и сумма уплаченных за них денег. В данном случае речь идет о дешевых, по-видимому скорописных, иконах, предназначенных для раздачи. Так, в Новгороде в 1674 г. были наняты пять иконников для письма ста «роздачных» икон.²² В Тихвине подобные договоры с иконописцами заключались с помощью по-

¹⁷Там же, № 193, л. 137 об.

¹⁸Там же, № 204, л. 9 об. — 10.

¹⁹Там же, № 6, л. 60; № 156, л. 23.

²⁰Там же, № 106, л. 3; № 125, л. 14—14 об.; № 167, л. 18—18 об.; № 189, л. 4 об. — 5.

²¹Там же, № 50, л. 180 об.; № 83, л. 26 об.; № 123, л. 36; № 161, л. 148.

²²Там же, № 156, л. 129, 154.

средника, в роли которого выступал богатейший посадский торговый человек Гаврила Самсонов. Занимаясь крупной и мелкой торговлей, ростовщицеством, он широко пользовался в различных областях деятельности наемным трудом.²³ При посредничестве между посадскими тихвинскими иконниками и Свирским монастырем выступал своеобразным перекупщиком, не упуская возможности извлечь выгоду и из этого промысла. Подобная практика существовала, видимо, и в других городах.²⁴

Связь монастыря и мастеров-иконописцев не ограничивалась договорами на написание заказных икон и приобретением из казны необходимых для этого материалов. Иконники пользовались денежной помощью казны, беря деньги в долг («Флору иконнику дано взаймы рубль побежаючи к Москве»).²⁵ Они также покупали и продавали зерно, иные продукты питания и ремесленного производства («Взято с Кондуш у иконника Алексея Романова за рож... что в прошлых годах занимывал...»; «У Алексея Романова взято за бычью тушу по кабале в уплату...»; «у иконника Ивана Тарасьева куплено черного мантийного сукна сто один аршин...»²⁶). Живя в монастыре, пудожане Павел и Никита Алексеевы не только приобрели себе здесь новую одежду, но и чинили старую. Платье из казны получал и Иван Тарасов.²⁷ Кроме того, неоднократно иконописцами делались поминальные вклады по себе и по своим родственникам. Вклады всегда были денежными и только в одном случае в качестве вклада были принесены продукты ремесла — в 1624 г. «дал начало вкладу Роман иконник за сына своего за Фирса полтину денег да за другую полтину дал два образа чудотворцовых».²⁸

Изучение сохранившихся документальных материалов позволяет сделать вывод об отсутствии в Александро-Свирском монастыре собственной иконописной мастерской и постоянно живших и трудившихся в нем иконописцев. Они периодически поселялись в монастыре, подражаясь выполнить подоспевшие художественные работы. Таким временем были, например, 20-е гг. XVII в., когда после литовского разорения над восстановлением храмового убранства трудились новгородцы Роман и Постник. В 1660 — 1670-е гг. чинил и олифил иконы в церквах, писал об-

²³Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951. С. 186, 252, 263, 274, 277.

²⁴Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 233, л. 41 об.; № 261, л. 22.

²⁵Там же, № 126, л. 6.

²⁶Там же, № 118, л. 32 об.; № 132, л. 5 об.; № 161, л. 114 об.

²⁷Там же, № 156, л. 197 об.; № 167, л. 18—18 об.; № 156, л. 2 об. — 3.84 об.

²⁸Там же, № 1, л. 100 об.

раза в келье кондушанин Алексей Романов. Позднее жили в монастыре иконники Иван Тарасьев (новгородец?), пудожанин Никита Алексеев, Сергей Иванов и другие.

В случае необходимости проведения иконописных работ использовался наемный труд. Иконописцы, подобно другим ремесленникам, нанимались монастырским руководством для выполнения разнообразных необходимых художественных и хозяйственных работ — при строительстве, переписывании и переплетении книг, изготовлении серебряных изделий, крашении холста, выделке кож, перевозках, на сенокосе и т. д.

До начала 1690-х гг. в документах монастыря ремесленники, писавшие иконы, именовались иконщиками. Впоследствии наравне с этим термином в расходных книгах начинает появляться слово «иконописец». Являясь синонимами, они употреблялись применительно к одним и тем же мастерам. Синодик XVI в. называет Федора знаменщика, указывая тем самым на разделение труда среди этой категории ремесленников.²⁹

Сведения об иконописцах XVI в. почерпнуты из монастырских синодиков и определить их социальную принадлежность и происхождение не представляется возможным. Так же сложно отнести к какой-либо социальной группе иконописцев начала XVII в., в основном новгородцев; в архивных документах они названы лишь по именам, зачастую без указания места их постоянного жительства. Большинство иконописцев XVII в. составляли миряне, меньшая часть принадлежала к белому и черному духовенству (в отличие от переписчиков текстов житий Александра Свирского, которые были в основном церковными дьячками). Практически отсутствуют сведения и о том, из каких групп населения выходили иконописцы. Лишь о братьях Иване и Иоакиме Елизаровых известно, что они были сыновьями священника олонецкой Воздвиженской церкви Елизара Романова, а тихвинец Осип Исаков был сыном медника.³⁰ Для большинства иконописцев их ремесло не составляло семейного или наследственного занятия. Из документов Александрo-Свирского монастыря известны упомянутые братья Елизаровы, тихвинцы монах Аарон и его сын дьякон Георгий, состояли в родстве тихвинцы Иван и Петр Фалилеевы.

Занятые созданием массовых образов иконописцы работали поодиночке, о существовании при них каких-либо помощников документы не упоминают.³¹ При выполнении крупных заказов — создании икон для иконостасов и интерьеров соборов мастера

²⁹ОР БАН, Ал. Св. 55, л. 562 об.

³⁰Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 156, л. 139 об.; № 175, л. 8 об.

³¹Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI вв. М., 1967. С. 102.

объединялись обычно по двое. Вместе трудились тихвинцы Родион Сергеев и Иван Иванов; в 1684 — 1686 гг. иконы для паперти Троицкого собора написали иконники из села Сермакса Флор Дорофеев и Иван Лязгин.³² Подмастерья или ученики при них также не упоминаются, хотя, по-видимому, они существовали.³³ Обширным объемом работ при создании икон трех ярусов иконостаса нового Троицкого собора объясняется создание в 1699 г. большой артели: «Тифинцы иконописцы монах Аарон да сын его дьякон Георгий с товарищи писали в новопостроенную каменную церковь икон три яруса апостолов, пророков, протцев своими красками и золотом. Дано им за письмо по зговору сполна сорок пять рублей».³⁴ Но над крупными иконостасными иконами иконописцы могли работать и индивидуально. В 1672 г. Родион Сергеев выполнил иконное и стенное письмо в Преображенской церкви, а в 1683 г. Флор Дорофеев написал десять праздников и десять пророков в новую Никольскую церковь.³⁵

Сохранившиеся документы Свирского монастыря XVI — первой половины XVII в. приводят не много имен иконописцев, и вплоть до 60-х гг. XVII в. большинство среди них составляли новгородцы. Следует учитывать, что до 1682 г. Александров монастырь принадлежал к новгородской епархии, в гражданских вопросах также подчиняясь новгородским наместникам.

В отличие от превалировавшего ранее положения о быстрой утрате новгородского искусством своего значения и высоких художественных качеств после ликвидации политической независимости республики, исследование последних десятилетий политической, экономической и художественной жизни Новгорода XVI в. позволили прийти к заключению о том, что и в этом столетии город продолжал оставаться крупнейшим ремесленным центром государства. Здесь концентрировались многочисленные художественные кадры, сохранявшие авторитет и высокие навыки своего мастерства, в том числе иконописного. Об искусстве Новгорода XVII в. известно мало, а его иконопись практически не изучена. Однако сохранившиеся материалы позволяют считать, что и в этом столетии деятельность новгородских ремесленников, в частности серебряников и иконописцев, носила ши-

³²Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 156, л. 195 об.—196; № 166, л. 29.

³³Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории... С. 153.

³⁴Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 205, л. 154—154 об. В качестве сравнения может быть отмечено, что постройка новой деревянной Никольской церкви в 1682 г. обошлась в 30 р. (там же, № 151, л. 124).

³⁵Там же, № 102, л. 74; № 156, л. 18 об.

рокий и разноплановый характер.³⁶ Данные архива Александровского монастыря вносят свой вклад в изучение этой проблемы.

Из четырнадцати новгородских иконошников, работавших в указанный период по найму Свирского монастыря, трое были посадскими людьми. В отношении Артемия и Степана указано, что они принадлежали к «софейским иконошникам»,³⁷ так же как и Лука Фомин.³⁸ Однако есть основания полагать, что и остальные так или иначе были связаны с Софийским домом.

Среди новгородцев следует отметить прежде всего Луку Фомина — автора Царских врат 1659 г. главного иконостаса Софийского собора.³⁹ Бобыль и владычный иконописец, он за денежный оброк писал иконы в софийскую казну,⁴⁰ а в 1680 г. создал синодическую доску для Троицкой церкви на Редятине улице, будучи внуком ее священника.⁴¹ В 1660-е гг. он вызывался в Москву для выполнения росписей в кремлевских соборах.⁴² Для Свирского монастыря Лука Фомин многократно, с 1658 по 1670 г., подряжался писать крупные партии «роздаточных» икон, а упоминание в одной из записей о том, что эти иконы делятся на «три статьи», свидетельствует, видимо, о делении их в зависимости от различной степени сложности труда, затраченного на их создание.⁴³

Известностью пользовался в Новгороде и софийский певчий иконошник Федор, работавший по поручению митрополита Никона.⁴⁴ Для Свирского монастыря им были написаны лишь две иконы, но по выплаченной сумме — 5 р. можно заключить, что это был особый заказ и работа этого мастера ценилась.⁴⁵ К группе новгородских иконописцев — однофамильцев Яковлевых при-

³⁶ Постникова-Лосева М. М. Серебряное дело в Новгороде XVI и XVII вв. // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 307—334; Горина Н. П. Памятники серебряного дела владычной мастерской Новгородского Софийского дома // Новгород древний — Новгород социалистический. М., 1977. С. 29—30; Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. С. 60—66.

³⁷ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 45, л. 41 об.

³⁸ Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи // Временник московского Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 35.

³⁹ Никитина Ю. И. Художники иконостаса Новгородского Софийского собора // Новгород древний — Новгород социалистический. М., 1977. С. 28.

⁴⁰ Греков Б. Д. Новгородский Дом святой Софии. СПб., 1914. Ч. 1. С. 52—53.

⁴¹ Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Москва, 1860. Т. 1, ч. 2. С. 23.

⁴² Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи. С. 35, 67, 71.

⁴³ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 33, л. 3.

⁴⁴ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. С. 65.

⁴⁵ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 21, л. 70 об.

надлежал владычный иконник Федор Яковлев Немкин.⁴⁶ Деятельность этих и других новгородских иконописцев свидетельствует не только об их широких творческих возможностях, но и о сохранении в XVII в. прежних тесных художественных связей Новгорода со своими провинциями.

Большинство иконописцев, связанных в XVII в. с Александрo-Свирским монастырем, были тихвинцами. Тихвин был наиболее близким к монастырю крупным центром иконописного промысла. К. Н. Сербина на основе детального изучения документов Успенского монастыря пришла к заключению, что иконописание на Тихвинском посаде получило наибольшее развитие в 70-е гг. XVII в.; что мастера-иконники работали как у себя дома, так и отправлялись на заработки в соседние монастыри и церкви, которые, помимо самого Успенского монастыря, являлись их основными заказчиками; что они бывали создателями не только икон, но и стенной живописи.⁴⁷ Архив Свирского монастыря полностью подтверждает эти выводы.

Тихвинские мастера принадлежали как к посадским людям, так и к монашествующим. Среди тихвинцев прежде всего следует назвать известного не только в своем крае, но и в Новгороде и Москве Родиона Сергеева — составителя «Сказания о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» и осаде Тихвина шведами в 1613 г., написанного и иллюстрированного им в 1658 г. Сообщения о Родионе Сергееве встречаются в документах Свирского монастыря с 1666 по 1673 г., позволяя пополнить представление о творчестве этого мастера. Иконы его письма несомненно ценились. Именно их игумен брал с собой в Москву, предназначая, по-видимому, для подарков должностным лицам и именитым вкладчикам.⁴⁸ Вместе с тихвинцем же Иваном Ивановым, Родионом Сергеевым были написаны в 1669 г. иконы праотцев, херувимы и серафимы для иконостаса Троицкой церкви.⁴⁹ Из записи 1672 г. становится известным также, что Сергеев был сведущ не только в иконописании и миниатюре, но и во фресковой живописи — им было выполнено стенное письмо в Преображенском соборе.⁵⁰ Этот иконописец был состоятельным человеком, о чем свидетельствует сделанный им вклад — 12 р. для внесения

⁴⁶Вилинбахова Т. Б. Станковая живопись Новгорода последней четверти XV — первой половины XVI столетия; (К проблеме формирования общерусского искусства XVI в.): Дис. канд. искусствовед. Л., 1980. Приложение.

⁴⁷Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории... С. 152—156.

⁴⁸Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 83, л. 27; № 107, л. 95 об.; № 109, л. 67.

⁴⁹Там же, № 92, л. 31.

⁵⁰Там же, № 102, л. 74.

его рода в монастырский синодик.⁵¹

На протяжении почти двух десятилетий (с 1670 по 1686 г.) был связан с монастырем тихвинец Флор Дорофеев, который писал иконы по подряду, создавал новые и чинил старые иконы в иконостасах, покупал краски для казны. В 1699 г. монахом Аароном и дьяконом Георгием «с товарыщи» были написаны иконы трех ярусов иконостаса Троицкого собора.⁵²

По найму Александро-Свирского монастыря одновременно работали иконописцы Олонца, а также сел Сермакса и Кондуши, в которых находились монастырские земли других окрестных погостов.⁵³ Никита Лобанов и Иван Ведениктов были каргопольцами, Яков Герасимов пришел из Юрьева-Польского, Яков Яковлев и Григорий Васильев — москвичи. Сведения об этих мастерах относятся к последней трети XVII—началу XVIII в. Этому же периоду принадлежат сообщения и об иконописцах, происхождение которых неизвестно. В основном они, живя какое-то время в монастыре, выполняли необходимые мелкие работы и писали иконы по подряду. Характерно, что выдвижение местных центров иконописания, подобных Сермаксе, и появление иконников, переходивших с целью заработка из одного поселения в другое, происходит именно в последней четверти XVII в., когда влияние традиционных центров хотя и сохраняется, но ощутимо ослабевает.

Картину взаимоотношений иконописцев и монастыря можно дополнить сведениями о работе двух других групп ремесленников, также почерпнутыми из записей расходных книг. Ближе всего по условиям и характеру работы к иконописцам примыкали переписчики книг.⁵⁴ Большую часть их продукции составляли тексты житий Александра Свирского, изготовлявшиеся для продажи и раздачи и поступавшие в ведение казны, тем самым образуя параллель производству икон-пядниц. Переписка житий велась для монастыря столь же регулярно, но в значительно меньших размерах. Переписчики работали, кроме того, над пополнением монастырской библиотеки, создавая новые списки таких книг, как «Новое небо», «Великое Зерцало», алфавитный Патерик, «Чудеса от иконы Тихвинской Богоматери», книги Ни-

⁵¹ Там же, № 91, л. 15 об.; № 102, л. 16.

⁵² Там же, № 205, л. 154—154 об., 182—182 об.

⁵³ Данные свирского архива согласуются с мнением Э. С. Смирновой о происхождении сельских иконописцев из достаточно крупных селений (Смирнова Э. С. Живопись Обонежья... С. 100—101).

⁵⁴ Подробное исследование деятельности писцов в ряде северных монастырей, в том числе в Александро-Свирском, содержится в монографии: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977.

киты Ираклийского и других. Встречаются указания и на переписывание хозяйственных книг.⁵⁵

Оплата труда книгописцев зависела прежде всего от объема рукописи, определявшегося количеством переписанных тетрадей, и ее размера (в десть, полдесть). Житие Александра могло быть передано сплошным блоком, либо разбивалось на главы и дополнялось текстами похвального слова, служб, чудес. Зачастую в записях о выплате денег за приобретенные книги указано, каким почерком они переписаны — уставом или скорописью, а также чья была использована бумага — монастырская или собственная.⁵⁶

В отличие от иконописцев перепиской рукописей занимались исключительно церковные дьячки и монахи (то же можно сказать и о переплетчиках книг). Списцами не заключались договоры на длительный срок, документальные упоминания о них эпизодичны, лишь несколько имен — Иван Семенов, Евтихий Тимофеев, Филип Федоров — встречаются на протяжении ряда лет. Хочется упомянуть об уникальном случае — в библиотеке монастыря хранились «Главы Григория Синайского», переписанные в 1614 г. «замужнюю женщиною» Акулиной.⁵⁷ Большинство книжных писцов были жителями окрестных селений, но встречались выходцы из Москвы, Вологды, Новгорода, Тихвина, Нижнего Новгорода.

Серебряники являются наиболее крупной после иконописцев группой ремесленников, к помощи которых Свирский монастырь прибегал для выполнения необходимых художественных работ. В архивных материалах удалось обнаружить имена 40 мастеров этой профессии. Новгородцы и олончане составляют среди них подавляющее большинство. В Новгороде во время ежегодных приездов игумен или кто-либо иной из монахов заказывал оклады на иконы, предназначавшиеся для подарков.⁵⁸ Новгородцы Семен и Исак работали в монастыре при его восстановлении после литовского разорения, изготавливая венцы для икон и серебряные сосуды.⁵⁹

В 1662 г. в изготовлении киота принял участие серебряник Григорий, который, думается, может быть отождествлен со знаменитым мастером Григорием Ивановым, выполнявшим заказы

⁵⁵Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 87, л. 2 об.; № 107, л. 61 об.; № 109, л. 29.

⁵⁶Там же, № 68, л. 18; № 116, л. 91; № 156, л. 17 об.—18, 95.

⁵⁷ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 2831, л. 208; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной Руси. СПб., 1890. С. 7, № 22 (57).

⁵⁸Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 79, л. 42 об.

⁵⁹Там же, № 6, л. 97 об., 167 об.

патриарха Питирима.⁶⁰ Однако в основном имена новгородских серебряников почерпнуты из синодиков, поэтому характер их деятельности в монастыре определить нельзя.

Мастера-олончане работали в монастыре в основном во второй половине — конце XVII в. Среди них выделяется серебряник Лука Евдокимов, создавший в 1689 г. оклад храмового образа Троицы в Троицком соборе и венцы к только что написанным иконам нового иконостаса этого же собора.⁶¹ Из ранее трудившихся серебряников интересен Амвросий Сидоров, который в 1675 — 1676 гг. изготовил сосуды и несколько лампад для Троицкого собора, в том числе лампаду, вложенную Иваном Ивановым Долговым и хранящуюся ныне в Гос. Русском музее.⁶² Среди олончан были мастера, для которых серебряный промысел был семейным занятием — это братья Васильевы и Абросимовы.

Тихвинских мастеров — двое. В отношении Федора Трофимова в синодике конца XVI в. указано, что он был «ризным мастером».⁶³ Монастырские синодики также называют имена двух мастеров из Москвы — это «государев серебряник» Сергей Григорьев, сопровождавший в 1644 г. из столицы в Александро-Свирский монастырь раку, изготовленную по указу царя Михаила Федоровича,⁶⁴ и мастер Золотой и Алмазной палаты Семен Гурьев.⁶⁵ Род Семена Гурьева был занесен в монастырские синодики после рода дьяка Богдана Силина, и напрашивается предположение, не он ли создал церковные сосуды либо убор иконы «Александр Свирский в житии» (ГРМ ДРЖ 2675), присланные щедрым вкладчиком Богданом Силиным.

По-видимому, серебряники были и среди иноков Свирского монастыря, но, поскольку это предположение основано на данных синодиков, с уверенностью говорить об этом трудно.⁶⁶

Основным выводом, вытекающим из изложенного материала, является отсутствие в Александро-Свирском монастыре в

⁶⁰ Там же, ф. 3, оп. 2, № 45, л. 42 об.; Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. М., 1974. С. 50—53.

⁶¹ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 175, л. 144—144 об.; № 205, л. 156—156 об.

⁶² Там же, № 116, л. 101 об.; № 123, л. 55, 58, об.—59.

⁶³ ОР БАН, Ал. Св. 56, л. 82.

⁶⁴ Там же, Ал. Св. 55, л. 175 об.; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Спб., 1884. Т. 3. С. 474. № 323.

⁶⁵ ОР БАН, Ал. Св. 58, л. 53 об.; Ал. Св. 59, л. 59; Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 3, оп. 2, № 65, л. 13; Троицкий В. И. Словарь: Мастера-художники золотого и серебряного дела, алмазники и сусальники, работавшие в Москве при Патриаршем дворе в XVII веке. М., 1914. С. 51; Троицкий В. И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Л., 1928. С. 37.

⁶⁶ ОР БАН, Ал. Св. 55, л. 177 об.; Ал. Св. 57, л. 53.

XVII в. иконописной мастерской. Опираясь на косвенные данные, можно предположить, что она не существовала и в предшествующем столетии. Монастырь постоянно прибегал к найму ремесленников-иконописцев, заказывая им написание икон-пядниц (в основном) и образов для интерьеров монастырских храмов.

Большинство иконописцев, как и серебряников, XVI — первой половины XVII в., связанных со Свирским монастырем, были выходцами из Новгорода, что определялось помимо административного и хозяйственного подчинения митрополии, традиционным авторитетом этого крупнейшего ремесленного центра государства. Значительную группу иконников во второй половине XVII в. составляли тихвинцы и олончане. В целом общее значительное количество занимавшихся иконописанием мастеров, зафиксированных монастырскими документами, дает возможность говорить о широком распространении этого промысла в XVII в. не только в традиционных центрах данного ремесла, но и в значительно более мелких селах и погостах.

Вводимый в научный оборот полный объем фактов, почерпнутых из архива Свирского монастыря, позволяет выявить целый ряд экономических особенностей организации иконописного промысла в Обонежье. Заключавшийся с мастерами договор регламентировал не только количество заказываемых икон, их сюжеты и стоимость, но и материалы, которые зачастую ссужались иконописцу монастырской казной. С этой целью в монастыре создавались запасы иконных досок, красок, золота и других припасов, необходимых для работы. В основном иконники работали поодиночке, объединяясь лишь в случае необходимости создания больших групп икон для храмовых иконостасов. Отрывочность сведений сохранившихся источников не позволяет точно проследить происхождение и социальную принадлежность иконописцев, однако можно признать, что для большинства их ремесло не составляло семейного или наследственного занятия.

Картина взаимоотношений мастеров-иконописцев с выступающим в роли заказчика Александро-Свирским монастырем типична для XVI и XVII вв. Изложенные выводы находят подтверждение в последних публикациях, основанных на документах из архивов других древнерусских монастырей.⁶⁷

⁶⁷Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // Ист. зап. Б. м., 1938. Т. 3. С. 130—160; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории... С. 152—156; Троице-Сергиева Лавра: Художественные памятники / Ред. Н. Н. Воронин, В. В. Косточкин. М., 1968. С. 100—101; Лелекова О. В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII—XVIII вв. // Древнерусское искусство: Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 157—180; Скопин В. В. Иконописцы на Соловках в XVI — середине XVIII в. // Древнерусское искусство. С.285—309.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарь иконописцев, работавших в Александро-Свирском монастыре*

- Аарон. Тихвин. 1699 г.
Аггеев Фома. Мегра. 1675—1688 гг.
Алексеев Никита. Пудога. 1687—1698 гг.
Артемий. Новгород. 1662 г.
Астратов Алексей. Тихвин. 1800 г.
Булыгин Яков. Тихвин. 1685 г.
Василий. Новгород. XVI в.
Василий. 1708 г.
Васильев Григорий. Москва. 1703 г.
Ведениктов Иван. Каргополь. 1689 г.
Георгий. Тихвин. 1699 г.
Герасимов Яков. Юрьев-Польский. 1693 г.
Григорий. Новгород. 1662 г.
Диев Павел. Сермакса. 1710 г.
Диев Федот. Сермакса. 1685—1713 гг.
Дорофеев Флор. Тихвин. Сермакса. 1670—1686 гг.
Дорофей. Ладога. 1679—1693 гг.
Дьяконов Иван. Тихвин. 1670—1676 гг.
Дьяконов Федот. Сермакса. 1701—1713 гг.
Елизарьев Иван. Олонец. 1691—1720 гг.
Елизарьев Иоаким. Олонец. 1684—1717 гг.
Иванов Григорий. Сермакса. 1696—1712 гг.
Иванов Зиновий. Тихвин. 1671—1681 гг.
Иванов Иван. Тихвин. 1670 г.
Иванов Максим. 1709—1712 гг.
Иванов Яков. Тихвин. 1703—1714 гг.
Иоанн. Вторая половина XVII в.
Иринарх. Новгород. Александро-Свирский монастырь. 1719—1723 гг.
Исаков Осип. Тихвин. 1681—1702 гг.
Кирилов Павел. Сермакса. 1693—1719 гг.
Кислухин Григорий Михайлов. Новгород. 1688—1689 гг.
Корнилов Павел. Сермакса. 1696—1702 гг.
Костянтинов Федор. Кострома. 1714—1716 гг.
Курев Павел. Сермакса. 1706—1714 гг.
Ларионов Иван. 1683 г.
Лобанов Никита Алексеев. Каргополь. 1695—1697 гг.
Львов Тарас. 1696 г.
Лязгин Иван Петров. Сермакса. 1684—1709 гг.
Максим. Новгород. 1627 г.
Марков Леонтий. 1708—1709 гг.
Матфей. Олонец. 1676 г.
Михайлов Василий. 1712 г.
Наум. XVII в.
Немкин Федор Яковлев. Новгород. 1658—1666 гг.
Никифоров Евтхий. Тихвин. 1669 г.
Павел. Новгород. 1579 г.
Павлов Иван. Сермакса. 1707 г.

*Приведенные в словаре даты обозначают годы работы данного мастера в монастыре.

Поетник. Александро-Свирский монастырь. 1617—1631 гг.
Роман. Новгород. 1620—1631 гг.
Романов Алексей. Кондуши. 1666—1680 гг.
Семен. Новгород. 1579 г.
Сергиев Иван. 1686 г.
Сергиев Родион. Тихвин. 1666—1673 гг.
Степан. Новгород. 1662 г.
Тарасов Иван. Новгород (?). 1680—1688 гг.
Трифанов Василий. Тихвин. 1684 г.
Фалилеев Иван. Тихвин. 1669—1672 гг.
Фалилеев Петр. Тихвин. 1669 г.
Федор. XVI в.
Феклист. Новгород. 1669 г.
Феогнаст. Тихвин. 1625 г.
Феоктист. 1628 г.
Фомин Лука. Новгород. 1658—1670 гг.
Хлугов Серапион. Олонец. Конец (?) XVI в.
Яков. Новгород. XVI в.
Федор. Новгород. 1657 г.